

Евгений Егоров

Le Nord vs. Norden:

ДИПЛОМАТИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ОБРАЗЫ
(ПАН) СКАНДИНАВСКОГО СЕВЕРА (1809—1848)¹

Evgenii Egorov

Le Nord vs. Norden: Russian Diplomacy and the Images of (pan-)Scandinavian North (1809—1848)

Евгений Егоров (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), старший преподаватель, младший научный сотрудник; кандидат исторических наук) egorov@hse.ru.

Ключевые слова: скандинавизм, дипломатическая история, политическое воображение

УДК: 94

DOI: 10.53953/08696365_2025_191_1_127

В статье анализируется динамика восприятия скандинавского Севера дипломатическими агентами Российской империи на протяжении первой половины XIX века. Автор фокусируется на двух периодах: эпохе Наполеоновских войн и периоде с 1830-х по конец 1840-х годов. Первый этап характеризуется сближением между Александром I и наследным принцем Карлом Юханом (Жан-Батистом Бернадотом). Этот союз получил идеологическое оформление в рамках концепции общего Севера, le Nord. Второй этап стал эпохой «открытия» российскими дипломатами другой северности — Norden — как пространства публичной политики и идей о скандинавской унион.

Evgenii Egorov (PhD; Senior Lecturer, Junior Research Fellow, HSE University (Saint Petersburg)) egorov@hse.ru.

Key words: Scandinavianism, diplomatic history, political imagination

УДК: 94

DOI: 10.53953/08696365_2025_191_1_127

The article analyzes the dynamics of Russian diplomatic perception of the Scandinavian North during the first half of the 19th century. The author focuses on two periods: the era of the Napoleonic Wars and the period from the 1830s to the late 1840s. The first stage is characterized by a rapprochement between Alexander I and Crown Prince Karl Johan (Jean-Baptiste Bernadotte). This collaboration was ideologically manifested by the framework of the common North, le Nord. The second stage was the era of the imperial “discovery” of another Nordicity (Norden) as a space of the broadened political participation and ideas about the Scandinavian union.

От северного климата к северному союзу

22 ноября 1811 года Александр I послал своему «брату и кузену», как он любезно называл наследного принца Швеции Карла Юхана, «русские меха», снабдив подарок примечанием: «Медвежий мех будет вам полезен в климате, подобном нашем»². Этот на первый взгляд незначительный знак внимания

1 Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.
2 Александр I — Карлу Юхану, от 10/22 ноября 1811 года // Россия и Швеция: документы и материалы, 1809—1818 / Сост. В.В. Дубин, В.В. Рогинский и С. Юнсон; под ред. А.А. Громыко, Г. Ярринга и др. М.: Международные отношения, 1985. С. 68. Составители этого сборника документов приводят текст писем только на русском языке. Даты в тексте представлены по григорианскому календарю.

со стороны императора может, однако, сказать нам о многом. Из этого письма и дальнейшей переписки становится ясно, как Александр позиционировал себя в меняющейся политической динамике времен Наполеоновских войн и в региональном диалоге между соседствующими державами, лишь два года назад вышедшими из войны, по результатам которой Швеция уступила Российской империи огромную территорию — Великое княжество Финляндское. Северная Европа — важнейший, но зачастую игнорируемый театр боевых действий — переживала эпоху радикальной трансформации.

Эта статья — об истории понятий о регионе. *Le Nord* (по-французски) и *Norden* (на датском, норвежском букмоле и шведском) в данном случае не просто соответствующие переводы слова «Север», но узловые термины разных стилей географического воображения, которые, в свою очередь, формулировались под влиянием определенных социальных связей и позиций агентов в политическом и культурном поле XIX века. Это не первый текст о многообразии Северов [Головнёв 2022; Мюклебуст и др. 2016; Kliemann 2005], но в данном случае меня интересует не спектр возможных представлений о границах региона, а концептуальное не(до)понимание, которое возникало между имперскими дипломатами и новыми политическими агентами скандинавских королевств к середине XIX века. Как следствие, я анализирую семантическое напряжение между консервативно-монархическим понятием *le Nord* франкоязычных депеш и (макро)национальным *Norden*, закрепившимся в публичных сферах скандинавских королевств. Я пытаюсь ответить на вопрос, как имперская дипломатия реагировала на новые проявления северности в скандинавском регионе.

Но вернемся еще раз к дару мехов. Александр I не случайно примерял на себя роль ментора, обращаясь к принцу, для которого здешний климат был словно не знаком. Недавно избранный наследник шведского престола Жан-Батист Бернадот родился на юге Франции, сделал блистательную карьеру в годы революционных войн, впоследствии став одним из маршалов Наполеона. На Север он попал волей случая. В 1809 году в результате неудачных войн в Швеции произошел государственный переворот, восстановивший силу репрезентативного органа, Риксдага. В стране был установлен режим конституционной монархии, король Густав IV был свергнут, а его потомки лишены права престолонаследия [Sandström 2004]. Трон был передан его бездетному дяде Карлу XIII, а наследником изначально избран датский принц Фредерик Кристиан Августенбургский (взявшний имя Карл Август), внезапно скончавшийся в мае 1810 года. Бернадот попал в Швецию только в октябре 1810 года, благодаря изобретательности одного шведского офицера и с «благословения» Наполеона I, вдруг оказавшись самым подходящим кандидатом на роль кронпринца, к удивлению многих элит этой страны (подробнее см.: [Рогинский 2012: 162—203]).

Поначалу это удивление распространялось и на администрацию Российской империи: каких авантюров стоило ожидать от принца, закаленного в боях? Депеши посла в Стокгольме Петра Сухтелена, однако, обрадовали императора: войны ожидать не стоило как ввиду экономической и военной слабости Швеции, так и в силу взглядов наследного принца, который, несмотря на слухи, стремился сблизиться с Александром I³. Проговаривание взаимных мирных

3 Сухтелен — Румянцеву, от 6/18 сентября 1810 года // Россия и Швеция... С. 22—29.

иntenций действительно станет платформой сближения между ними. Карл Юхан был готов «простить» России завоевание Финляндии в обмен на будущую поддержку императором аннексии Норвегии, в то время территории Датской монархии. Чтобы подчеркнуть искренность своих намерений, Александр I настаивал на неформальном характере сближения в личной переписке, добавив, что и его когда-то «воспитывал республиканец», тем самым снимая границы статусов и инструментов, которые привели их к власти⁴.

В письме о русских межах император говорит и об общем, «нашем» климате. Если климатические зоны Швеции можно назвать однородными⁵, то климат Российской империи менее однозначен, принимая во внимание географическую протяженность владений. Однако из их корреспонденции становится очевидно, что речь идет о северном климате и о Севере как особом регионе, где существуют Россия — метонимически представленная Санкт-Петербургом — и Швеция в качестве партнеров — гарантов мира, спокойствия и независимости: Север, или, учитывая, что переписка велась на французском, *le Nord*, становился риторическим приемом и рамкой общности⁶.

Север возникал и как более осозаемая картина ландшафта. Безопасность Севера определялась расположением рек и в меньшей степени горных цепей, которые требовали установления «естественных границ»: Россия достигла их, присоединив Финляндию, а Швеции было необходимо обладание Норвегией [Berg 2014]. У рамки северного сближения была и своя генеалогия, которая прослеживалась от эпохи договоров вооруженного нейтралитета. Во время мирных переговоров лета — осени 1809 года между Россией и Швецией дипломаты обращались к этому прошлому, чтобы легитимизировать новое соотношение сил — *la paix du Nord* (мир Севера), который в идеале привел бы к союзу Дании, Швеции и России⁷. Но нарастающая возможность войны между Францией, чьей союзницей Дания оставалась до 1814 года, и Россией к 1812 году сделала Север естественных границ и русских шуб менее инклюзивным: Дания, ранее традиционному союзнику России, не находилась в нем места. Союзный договор 5 апреля 1812 года между Россией и Швецией апеллировал к гарантиям «независимости Севера», которую требовалось защитить от надвигающейся французской армии. Несмотря на то что седьмая статья договора указывала на обращение к Королю Дании Фредерику VI с предложением присоединиться к союзу, из переписки шведских дипломатов становится ясно, что цель соглашения заключалась в том числе в ослаблении «давнишнего врага» в лице Дании⁸.

Следующим шагом в оформлении союза стала встреча Александра и Карла Юхана в финляндском Або (Турку) 27–30 августа 1812 года. Впоследствии

4 Александр I — Карлу Юхану, от 19/31 декабря 1810 года // Там же. С. 34.

5 Хотя Померания и шведские колониальные владения усложняют эту картину.

6 Карл Юхан — Александру I, от 26 февраля / 10 марта 1812 года // Correspondance inédite de l'empereur Alexandre et de Bernadotte pendant l'année 1812 / Pub. par X. Paris: Librairie militaire R. Chapelot et Co., 1909. Р. 3.

7 Румянцев — Александру I, от 26 августа / 7 сентября 1809 года // Внешняя политика России XIX и начала XX века: документы Рос. м-ва иностр. дел. С. 1. Т. 5 / Под ред. А.А. Громыко и др. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1967. С. 183.

8 Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Рос. м-ва иностр. дел. С. 1. Т. 6 / Под ред. А.А. Громыко и др. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1962. С. 318—319; Левенъельм — Карлу XIII, от 24 марта / 5 апреля 1812 года // Россия и Швеция... С. 137.

союз России и Швеции получит в публичной сфере последней название «политики 1812 года» — консервативного альянса, под эгидой которого пройдут годы правления Карла Юхана [Рогинский 1978; Suominen 2002]. Разногласия между Александром и шведским принцем по поводу действий в ходе зарубежной кампании не изменили динамику отношений: Север оставался площадкой начала освобождения Европы от покушений Наполеона на «универсальную монархию»⁹. «Спокойствие Севера» как пролог к «объединению народов Скандинавии» — в данном случае Швеции и Норвегии — служило не только дипломатической метафорой, но и лозунгом, пригодным для обращения к вступившей в войну шведской армии в мае 1813 года¹⁰.

Северность действительно играла важную роль в оформлении сценариев власти обеих фигур. Оды Г.Р. Державина и Д.И. Хвостова, тексты Н.М. Карамзина и К.Н. Батюшкова воспевали Александра I как северного героя [Кара-Мурза 2017]. Персона Бернадота, в свою очередь, была вписана в романтические дискурсы мифологии об Одине: древнее призвание воина-чужестранца на северский трон бездетным королем послужило удобной аллегорией для легитимации новой династии [Widén 2013]. Литературное движение готицизма, представители которого часто прибегали к нордическим образам в своих произведениях, стало одной из идеологических платформ его правления [Söderlind 2008]. Литературные приемы и дипломатические метафоры были связаны: новейшая историография подчеркивает соположенность поэтических устремлений и политического воображения начала XIX века [Зорин 2001: 297–335; Майофис 2008: 9–52; Парсамов 2020: 26–111].

В случае России и Скандинавии северность отчасти явилась результатом принятия внешнего взгляда. Ларри Вульф убедительно продемонстрировал, что на компасах западноевропейских путешественников даже часть Центральной Европы часто оказывалась в середине XVIII века скорее на Севере, чем на Востоке [Wolff 1994: 1–49]. Эта культурная традиция сохранилась и в XIX веке: имперские войска во Франции были наречены «варварами Севера» — прозвищем, которое иронически обыгрывал и сам император¹¹. Однако критика Севера как территории отсталости к 1814–1815 годам сменялась и его представлением в качестве источника спокойствия и мира, чему способствовала часть европейский и атлантической публичной сферы [Sluga 2015]. Последующие мифотворческие программы Карла Юхана и Александра I будут завязаны как на факт разгрома Наполеоновской империи, так и на идею о мире на Севере¹².

9 *Ljunggren C.J. Minnes-Anteckningar under 1813 och 1814 Årens Kampagner, uti Tyskland och Norge: Med 14 färglagda Planscher och 3 Planchartor.* Stockholm: A. Bonnier, 1855. S. 285–286.

10 [Б.а.] *Recueil de lettres: Proclamations et discours de Charles Jean, prince royal et ensuite roi de Suède et de Norvège.* Stockholm: C. Deleen, 1825. P. 92–93.

11 *Choiseul-Gouffier M. Mémoires historiques sur l'empereur Alexandre et la cour de Russie.* Paris: R. Leroux, 1829. P. 183.

12 См., например: *Расторгуев Е.И. Радость России, или Возвращение в отчизну великого и свыше благословенного императора отца отечества Александра I.* СПб.: В Морской тип., 1815. С. 9–11; *Мартынов А.М. Ода на кончину императора Александра I.* СПб.: Тип. Деп. нар. просв., 1826. С. 13; [Б.а.] *Taler og Cantater ved Sørgefester i Christiania i Anledning af Hs. Maj. Kong Carl Johan's Død.* Christiania: Johan Dahl, 1844. S. 1–11.

Киль и Вена: миротворчество на Севере и в Европе

К концу декабря 1813 года войска Северной армии под командованием Карла Юхана вынудили Фредерика VI искать компромисс. Итогом военных действий и дипломатических маневров стало подписание Кильского мира 14 января 1814 года, согласно четвертой статье которого Норвежское королевство передавалось во владение шведской короне¹³. Хотя Норвегия выступала в качестве военной добычи, политическая активность в бывшей провинции Дании сделала из нее полноценного субъекта международных отношений. Норвежские политики отказались признать силу Кильского трактата, и под эгидой штатгальтера и сына датского короля Кристиана Фредерика в бывшей датской провинции началась политическая самоорганизация, итогом которой стало принятие Эйдсвольской конституции, сочетавшей в себе легальные наработки революционных документов конца XVIII века с монархическими принципами [Tønnesen 2001].

Несмотря на эту политическую мобилизацию и на критику в европейских публичных сферах экспансионистской политики Карла Юхана [Hemstad 2024: 41–43], другие державы не решились признать независимость Норвегии. Летом 1814 года начались военные действия между Швецией и Норвегией, в результате которых между ними была заключена королевская уния. Норвежская конституция тем не менее осталась в силе, как и существующие административные и законодательные органы королевства [Barton 2003: 3–19]. Норвежским политикам помог в этом, похоже, сам дух эпохи. Союзные армии маршировали по Европе под слоганы о свободе народов от ига тирана. Парижский мирный договор восстанавливал династию Бурбонов на французском троне при условии принятия конституционной хартии. Восстановленное королевство Нидерландов тоже обзавелось конституцией, хотя и с сильной монархической властью. Многие представители европейских держав, собравшиеся в сентябре 1814 года на Венский конгресс, были не чужды конституционалистской мысли. Даже часть консерваторов была согласна с тезисом о том, что народам необходимо предоставить большее участие в политической жизни, чтобы предотвратить возвращение к якобинству [Vick 2014: 233–277].

Заключение унии с Норвегией было оформлено как главный триумф наследного принца, а для Александра I представлено как краеугольный камень независимости Севера¹⁴. В декабре 1814 года Стокгольм был украшен иллюминациями и баннерами, на которых можно было встретить упоминание героев «спокойствия Севера» и «создателей Скандинавии» Карла XIII и Карла Юхана¹⁵. Преобразованный Север — с Швецией-Норвегией на карте, Финляндией в составе Российской империи и Данией, которой гарантировался суверенитет, — стал единицей политico-географической динамики, контуры и прин-

13 Nørregård G. Freden i Kiel, 1814. København: Rosenkilde, 1954. S. 151–214.

14 Карл Юхан — Александру I, от 11/23 октября 1814 года // Minnen ur Sveriges nyare historia. Del 8. Carl Johan och hans tid (1814–1815) / Saml. af B. von Schinkel. Stockholm: P.A. Norstedt & Söner, 1856. S. 363.

15 [Б.а.] Beskrifning om den Stora Illumination wid Fröjdebetygelserne öfwer den lyckligen återwunna Freden, som i Stockholm anställdes den i 19 Dec. 1814. Stockholm: Sohm, 1815.

ципы функционирования которой были закреплены на Венском конгрессе [Hemstad 2024: 46–47]¹⁶.

Конгресс стал политическим волеизъявлением консервативных сил. Однако большинство ключевых участников отдавало себе отчет в том, что стрелки часов невозможно было повернуть, а поэтому требовались адаптивные, а не сугубо реставрационные решения. Историк Матиас Шульц утверждает, что Венский конгресс стал важнейшим шагом к оформлению «культуры мира», принципа коллективной ответственности, который распространился на всех участников европейской дипломатии [Schulz 2015]. Мир стал результатом общего усилия, а его поддержание — исходом легальных изменений, готовности к диалогу и регулирования дипломатических коммуникаций. Естественно, мир скорее оставался идеалом, и новая система не исключала конфликта интересов. Тем не менее дискурсивный багаж этой системы наследовал характерные термины, изначально связанные с «северными» оплотами антинаполеоновской коалиции: спокойствие и баланс задавали рамку теперь уже общеевропейской политики.

Вена заложила фундамент новой системы отношений созависимости и кооперативной ответственности в Европе. Включенность в эту систему обеспечивала суверенитет государства. Выдворение же из нее, особенно после решений конгресса в Троппау 1820 года, который предполагал исключение в результате «свержения законного правительства», могло привести к интервенции и потере политической субъектности [Ghervas 2021: 122—125]. Реставрация «законных правительств» в Неаполе, Пьемонте и Испании в 1820-х годах продемонстрировала решимость консервного концепта.

Другой Север: романтизм и трансграничные контакты

Выше уже было отмечено, что монархи инструментализировали актуальные литературные языки для выстраивания своих сценариев власти [Wortman 1995]. Тем не менее язык романтизма был достаточно гибок для формулирования противоречащих логик. С одной стороны, существующие политические режимы прибегали к богатому багажу метафор живого организма, древности и народного единства. С другой — романтизм с таким же успехом мог служить эмансилирующим и национализирующим проектам [Gerven 2022: 133—172].

Так, у *le Nord*, пространства монархизма и спокойствия, появился дошельянгер в публичных сферах Дании, Швеции и Норвегии. Другой Север, чаще встречающийся не во франкоязычных депешах, но на страницах газет, *Norden*, подрывал традиционную логику. Органика романтизма настаивала на первоочередности национального языка как объединяющей платформы: в скандинавском Севере места для России уже не оставалось, а Дания и Швеция из «давнишних врагов» превращались в кровных братьев. *Norden* оказывался телеологичным понятием: скандинавские народы были едины в глубокой древности, что позволяло сформулировать образ будущего-как-идеального-

16 Höjer T. Den Svenska utrikespolitikens historia: 1792–1844. Vol. 3:2. Stockholm: Norstedt, 1954. S. 230—254.

прошлого. Несмотря на амбивалентность термина «единство», к 1830-м годам речь шла как о культурном сближении, так и политическом объединении [Becker-Christensen 1978]. Хотя некоторые тропы, казалось, повторяли приемы начала века, единство Севера означало уже совершенно другое: универсализм мира уступал место партикуляризму языка.

Метафора братства — уже не между королями, но народами — предполагала и политическое соучастие в судьбах скандинавской семьи. Несмотря на отсылки к древности, *Norden* позиционировался и как продукт современности. Модерность в данном случае раскрывалась как через соответствие «духу времени», так и с помощью дискурсивного противостояния: скандинавский Север должен был стать оплотом прогресса, защищавшим Европу от посягательств империи азиатского варварства — России. Несмотря на растущий взаимный академический и литературный интерес [Nielsen 1998: 50—55], антагонизм был частым явлением в либеральной прессе¹⁷.

Такая риторика была не только плодом воображения, но и интерпретацией реальности пост-Венского мира [Šedivý 2021]. Либерализм Александра I потускнел в 1820-х годах, конгрессы Великих держав обозначили консервативный вектор директоральных решений, а Священный союз воспринимался многими как насилиственное ретроградство [Brisku 2015]. Поддержание мира в глазах консервативных европейских политиков виделось не только как сглаживание противоречий, но и как борьба с революциями, конспирациями и всякого рода «движениями», которые рассматривались в качестве основных триггеров войн. Хотя театры реставрации располагались далеко от Скандинавии, волны «агитации» докатывались и до Германии, где манифестации вартбургских студентов 1817 года и убийство консервативного публициста Августа фон Коцебу в 1819 году считывались многими представителями дипломатической службы как результат деятельности секретных обществ [Wirtschafter 2021: 77—86].

К середине 1830-х годов политическая ситуация в скандинавских королевствах стала все чаще привлекать внимание имперских дипломатов. В особенности это касалось консолидации оппозиционных партий в Швеции и требований реформы политического представительства. Угрозу представляло и распространение подобных идей в Финляндии¹⁸. В Дании политическая жизнь тоже получала новое выражение: появление сословных консультативных органов в 1834 году побудило новые силы к самоорганизации [Bjørg 1993: 193—212]. Еще более угрожающим для российских дипломатов стало открытие растущей связанности политических устремлений в скандинавских королевствах: близость аппаратов управления уступала сближению политического «радикализма». К концу 1830-х годов, несмотря на декларацию Стокгольма о нейтралитете в потенциальном конфликте между Россией и Великобританией и визит

17 М.П. Погодин был отправлен в Данию для разысканий по проекту издания древних источников по истории России обществом Северных антиквариев, см.: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 7. СПб.: Погодин и Стасюлевич, 1893. С. 34—40. Добавлю, что нередко литературное любопытство проявляли адвокаты скандинавского культурного сближения: антагонизм предполагал интерес.

18 Krusius-Ahrenberg L. Finland och den svensk–ryska allianspolitiken intill 1830/31 års polska revolution // Historiska och litteraturhistoriska studier. 1946. No. 21—22. S. 314—346.

императорской семьи в северные столицы в 1838 году¹⁹, угрозы низовой политической мобилизации на Севере нередко оттеняли монархическую дружбу.

В 1837—1840-х годах опытнейший имперский представитель в Дании барон Павел Николаи, участник конгрессов в Троппау и Лайбахе Адам Матушевич, недавно прибывший из Неаполя в Стокгольм, и даже почт-директор Великого княжества Финляндского Александр Вульферт обнаруживали связь политических потрясений в Швеции и Дании. Связь эта обеспечивалась в том числе материальными инфраструктурами и взаимным интересом: пароходными линиями, почтовым сообщением и переводами материалов в газетах. Рапорт Вульферта об одной из таких статей, где поднимался вопрос о «восстановлении древней скандинавской унии» против «хищного орла» с Востока, дошел до императора и в результате привел к циркуляру Карла Юхана о консервативном курсе шведской внешней политики в 1837 году [Egorov 2023: 77—79]. Неофициальная переписка Николаи и Матушевича еще более отчетливо диагностировала состояние скандинавской публичной жизни.

Их коммуникация, которая весьма нехарактерно велась на английском языке, была спровоцирована ухудшающейся политической атмосферой в скандинавских королевствах. К сожалению Матушевича, шведские консервативные силы могли потерять власть в результате выборов в Риксдаг 1840 года²⁰. Чуть позже он констатировал, что партия «из самой жестокой, а в некоторых случаях и самой радикальной и революционной оппозиции» могла приобрести ключевые позиции. Критиковал дипломат и Карла XIV Юхана, который стремительно терял свой политический капитал, «превратился в старого болтуна и остается совершенно чужим для своего народа», намекая на незнание королем шведского языка. Матушевич, наконец, поставил вопрос о выживаемости династии в условиях политического кризиса, припоминая события начала века²¹.

Он заканчивал пространное и детальное письмо Павлу Николаи, подчеркивая вероятное влияние этих событий на политическую динамику другой северной страны:

Как сосед, я был обязан по долгу и дружбе предупредить вас об опасности, которая, как я надеюсь и верю, может миновать, но которая в то же время может вызвать серьезные приступы мрачного вида. Состояние этой страны и ее яростное волнение не уменьшат естественных трудностей той задачи, которую предстоит выполнить вашему новому датскому суверену²².

Метафоры «революционной оппозиции» и «волнений» явно были эхом венского политического языка, в оформлении которого участвовали оба диплома-

19 О нейтралитете см.: *Palmstierna C.-F. Sverige, Ryssland och England 1833—1855: Kring Novembertraktatens förutsättningar*. Stockholm: P.A. Norstedt & Söner, 1932. S. 37—83; О визите см.: Татищев С.С. Император Александр II, его жизнь и царствование: В 2 т. Т. 1. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1903. С. 94—96.

20 Риксдаг 1840—1841 годов действительно продемонстрировал высокую степень консолидации оппозиционных сил. См.: [Stråth 2012: 45—57]; *Säve T. Sveriges historia under den nyaste tiden: Från år 1809 till år 1875*. Stockholm: Hjalmar Linnströms Förlag, 1881. S. 96—133. Матушевич — Николаи, от 24 декабря 1839 года. Kansalliskirjasto (Национальная библиотека Финляндии, Отдел рукописей). Ms.Mf. 833. С.ј. Листы дела не пронумерованы. Здесь и далее перевод автора.

21 Матушевич — Николаи, от 6 февраля 1840 года. Там же.

22 Матушевич — Николаи, от 6 февраля 1840 года. Там же.

та. Еще большее удивление у Матушевича вызывала пассивность Министерства иностранных дел. Видимо, такая реакция стала следствием безучастности министерства к его плану оккупации Швеции войсками империи для потенциального подавления революции — проект, который Матушевич ассоциировал с успехом реставрации 1815 года²³.

Барон Николай тем не менее сохранял уверенность в консервативном направлении датской политики. Действительно, вступление Кристиана VIII — бывшего короля Норвегии, принявшего конституцию 1814 года, — на датский трон разочаровало местных либералов. Просьбы и требования о конституционных преобразованиях в последнем «абсолютистском» королевстве Европы были отклонены [Bjørg 1993: 237—246]. Российский представитель в Копенгагене же считал, что население Дании было благословлено новым монархом, а «шум» оппозиционной партии — отсылка к новым практикам публичного зачитывания речей и уличным демонстрациям — вел к потере ее активов: «разумные люди» не обращали никакого внимания на «лающих собак»²⁴. Оба дипломата осознавали, что реакции общественных сфер были зависимы друг от друга в условиях, когда газеты и слухи легко пересекали Зундский пролив. Их презрительное отношение к новой буржуазной политике было характерно для большинства представителей дипломатического корпуса и местных элит [Nygaard 2011].

Когда бурные недели, казалось, прошли и шведский Риксдаг нашупал реформистский компромисс, письмо Матушевича еще точнее обозначило взаимозависимость политической динамики:

Мудрость вашего нового датского монарха и спокойствие его владений будут немало способствовать сохранению внутреннего мира и нынешнего порядка вещей в Швеции. С другой стороны, спокойное прекращение работы шведского сейма, я не сомневаюсь, окажет благотворное влияние на ваши внутренние дела²⁵.

Николай лишь с оговоркой признавал это влияние:

Несомненно, прояснение вашего горизонта может иметь некоторое благотворное влияние на наши дела здесь; тем не менее я бы не удовлетворил так сильно шведское тщеславие, чтобы отдать им последнюю заслугу в том, что мы продолжаем здравствовать²⁶.

Интенсивность и влияние этих связей ставились под вопрос в начале 1840-х годов, но само их существование было вполне очевидно. Север «спокойствия» и «мира» оказывался под угрозой трансграничных «заговоров» и «агитаций».

Политический язык, выработанный в эпоху европейских конгрессов, сблизжал в глазах и текстах дипломатов оппозиционные импульсы в Европе. Требования реформ на континенте действительно формулировались в схожих приемах [Späth 2023], но единообразие дипломатического взгляда — отчасти продукта мобильности самих государственных представителей — лишало эти

23 Российский государственный архив древних актов. Ф. 3. Оп. 1. Д. 98. Депеша от 26 ноября 1839. Л. 11—14. Более того, в этом же плане явно прослеживается и другая «венская» интенция, связанная с поиском тайных обществ, но Матушевич признавался, что обнаружить таковое ему не удалось.

24 Николай — Матушевич, от 12 января 1840 года. Kansalliskirjasto. Ms.Mf. 833. C.j.

25 Матушевич — Николай, от 6 марта 1840 года. Там же.

26 Николай — Матушевич, от 12 марта 1840 года. Там же.

импульсы локального своеобразия, а метафора панъевропейского заговора оставалась рабочей объяснительной моделью с 1820-х годов [Абдуллаев 2023]: «революция» повсюду была одинакова и происходила из одного «источника». Еще более остро угроза связанности северной политической жизни была воспринята в 1840-х годах, когда *Norden* стал центральным термином зарождающегося транснационального движения, скандинавизма [Hemstad 2022].

Российские дипломаты открывают *Norden*: скандинавизм в 1840-х годах

(Пан)скандинавизм как идея о сближении или, в более смелых представлениях, политическом объединении скандинавских народов оформилась в 1840-х годах. Термин *Skandinavism*²⁷ был впервые использован в датской газете в 1843 году, а летом того же года датский политик Карл Плоут озвучил программу новой унии между северными монархиями во время встречи скандинавских студентов в городе Кальмар²⁸. Взаимные студенческие визиты в 1840–1850-е годы стали площадкой переговоров о скандинавском будущем и связующим эмоциональным звеном проекта [Nilsson 2000: 99–130]. Путешествия студентов сразу же привлекли внимание соответствующих ведомств, причем как датских и шведских, так и российских [Egorov 2023: 79–81]. Внешний вид учащихся, их поведение на улицах и выступления на встречах стали уликами для дипломатического прочтения панскандианавского проекта.

Изначально главными «двигателями» политического скандинавизма были датские активисты. К началу 1840-х годов идея о датском национальном и конституционном государстве стала важнейшей для национал-либеральной партии. Проблема заключалась как в легально абсолютной власти короля, так и в композитном характере датской монархии, в которую, помимо Дании, входили герцогства Шлезвиг и Гольштейн, а также ряд заморских владений [Bregnsbo, Jensen 2022: 171–172]. В Гольштейне большинство подданных короля говорило на немецком, а в Шлезвиге языковая картина была сложнее со смешанным датско- и немецкоговорящим населением. Так, многие датские национал-либералы настаивали на полноценном присоединении территории Шлезвига к Дании и отделении Гольштейна. Им оппонировали, во-первых, консерваторы, которые подчеркивали единство датских владений²⁹. Во-вторых, немецкоязычные политики из герцогств указывали на невозможность легального разделения исторической территории Шлезвиг-Гольштейн [Østergaard 2015]. Скандинавизм, таким образом, стал частью геополитический программы датских национал-либералов [Nordhagen Ottosen 2023: 39–44].

Для шведских радикальных политиков скандинавизм представлял собой инструмент реваншизма: многие из них определяли потерю Финляндии как национальную трагедию [Edgren 2010], а идею о скандинавском сближении –

27 Чаще всего употреблялся с определенным окончанием единственного числа *-en*: *Skandinavismen*. Префикс «пан» появляется только при переводе на другие языки.

28 Кальмарская уния служила источником вдохновения, но почти универсально отвергалась как неверно организованная.

29 Принцип неделимости владений датской короны по-датски чаще всего артикулировался как *helstat*.

как оружие защиты и даже нападения. Хотя такое осмысление скандинавизма в Швеции станет наиболее популярным в годы Крымской войны³⁰, Плоуг уже в 1843 году указывал на зеркальность угроз: Дании угрожали Пруссия и Германский союз, Швеции — Российская империя. Скандинавизм, как подчеркивает историк Расмус Глентхой, стал в глазах его адвокатов способом выживания северных государств за счет увеличения территории и обороноспособности [Glenthøj 2017]. Добавлю, что скандинавизм мыслился и как разрыв с миром Венской системы, созависимости и директоральных решений Великих держав.

С первых наблюдений за манифестациями скандинавизма российские дипломаты представляли этот проект как угрозу системе коллегиального принятия решений, а затем и как революционную агитацию, пропитанную антироялистскими идеями³¹. Студенческие марши в 1843 году в Швеции, в 1845-м — в Дании, красно-синие кокарды³², политическая повестка и организация «скандинавских» обществ помогали дипломатам поставить диагноз о заговоре «скандинавских якобинцев»³³. Геополитические страхи о будущем объединении Скандинавии лишь изредка проскальзывали в их депешах, а «революционная» интерпретация движения оттеняла локальные нюансы³⁴. Упоминание Финляндии в речах политиков и удивившее дипломатов присутствие финляндских студентов на встрече 1843 года оправдывало в их глазах вмешательство России, так как теперь «агитация» распространялась на подданных императора³⁵.

В июле 1843 года Нессельроде направил представителям России в Копенгагене и Стокгольме инструкцию, в которой недвусмысленно связывал скандинавский проект со студенческими происшествиями в Варбурге, а саму идею унии описывал как искусственный фасад революционных программ. Хотя дипломатам предписывалось не вмешиваться в дела суверенных государств, сам факт ознакомления Николая I с панскандинавской агитацией, зачастую агрессивной по отношению к империи, сигнализировал северным дворам о недовольстве³⁶. В 1845 году шведские и норвежские студенты отправились в Копенгаген, а российские представители, реагируя на эту поездку, вновь воспроизводили схему социальной борьбы и революционности движения при бессилии обоих правительств [Becker-Christensen 1981: 143–171]³⁷.

30 Eriksson S. Svensk diplomati och tidningspress under Krimkriget. Stockholm: P.A. Norstedt & Söner, 1939.

31 Глинка — Нессельроде, от 13/25 мая 1843 года. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133. Оп. 496. 1843. Д. 162. Л. 87–88.

32 Кокарды со словом «Скандинавия», которые вставлялись в петлицы одежды на встрече 1843 года, были важным симптомом политической агитации для дипломатов, см.: Глинка — Нессельроде, от 13/25 мая 1843 года. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 496. 1843. Д. 162. Л. 91; Глинка — Нессельроде, от 10/22 июня 1843 года. Там же. Л. 170 об.

33 Глинка — Нессельроде, от 31 мая / 12 июня 1843 года. Там же. Л. 101.

34 См., например: Глинка — Нессельроде, от 13/25 мая 1843 года. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 496. 1843. Д. 162. Л. 87–88. Д.Г. Глинка был наиболее активным «геополитическим» интерпретатором скандинавских устремлений в эти годы, хотя он скорее настаивал на угрозах северному «эквилибриуму». Возможно, его философско-социологические штудии оказали влияние на его дипломатическое мышление.

35 Глинка — Нессельроде, от 27 мая / 8 июня 1843 года. Там же. Л. 92 — 92 об.

36 Нессельроде — Штакельбергу, от 22 июня / 4 июля 1843 года. Rigsarkivet (Королевский архив Дании, Копенгаген). DUA. Р. 2477. S. 17–22.

37 Встреча студентов 1845 года была воспринята как более «дисциплинированное» событие российскими дипломатами, хотя некоторые выступления вновь представлялись им революционными призывами.

Такая интерпретация, возможно, в наиболее концентрированном виде выразилась в дипломатической интерпретации пары строк, произнесенных шведскими студентами во время прощания с датскими «побратимами» в 1843 году. Студенты воскликнули:

Да, салютуйте все благородство Дании,
Но в первую очередь короля — мы имеем в виду Эленшлегера!³⁸

Хотя сами студенты, похоже, хотели лишь воспеть датского романтического поэта и одного из героев северного сближения А.Г. Эленшлегера, российский дипломат наставал, что эти строки были не меньше, чем «открытой дерзостью по отношению к Королю Дании»³⁹. Такая гиперболизация «революционного» характера скандинавизма оставалась актуальной до 1848 года, когда ситуация в Европе кардинальным образом изменилась.

1848 год: от антагонизма к возможным компромиссам

Вопросы политической принадлежности герцогств и наследования датского престола стали камнем преткновения между различными политическими группами королевства к 1848 году [Bregnsbo, Jensen 2022: 176–181]. Радикальные изменения в датском политическом устройстве начались раньше, чем в остальных странах Европы: 20 января скончался Кристиан VIII, и вступивший на престол Фредерик VII объявил о проведении реформ. Национал-либералы, однако, были недовольны двусмысленной риторикой короля, призывая к более решительным мерам, самой важной из которых виделась единная конституция для Дании и Шлезвига. В герцогствах многие восприняли такую динамику как угрозу целостности Шлезвиг-Гольштейна. В марте, когда новости о революции во Франции добрались до политических центров в Киле и Копенгагене, в датской столице был собран новый кабинет, частично состоящий из национал-либеральных политиков, и в герцогствах началось восстание [Glenthøj 2014: 159–179]. Это стало прологом к гражданской войне и германско-прусской интервенции.

Российский посланник в Копенгагене Эрнест Унгерн-Штернберг уже в январе доносил в министерство, что политическая динамика в стране могла привести к кризису. В начале года он заметил, что антигерманская агитация в столице была тесно связана с представлениями о скандинавской унии, которая играла роль платформы для национализирующих программ⁴⁰. Декомпозиция

38 Конечно, дипломаты не всегда знали об особенностях декламации стихов. Несмотря на наличие доверенных лиц, чаще всего они имели дело с текстами, напечатанными в газетах. См.: [B.a.] Beretning om studentertoget til Upsala i juni maaned 1843. København: Berlingske Bogtrykkeri, 1844. S. 56.

39 Глинка — Нессельроде, от 31 мая / 12 июня 1843 года. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 496. 1843. Д. 162. Л. 103.

40 Унгерн-Штернберг — Нессельроде, от 31 января / 12 февраля 1848 года. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 193. Л. 121–122. Отмечу, что дипломаты в Копенгагене часто социализировались в кругу консервативных немецкоговорящих элит. См.: Записная книжка Павла Николаи за 1847 год. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 519. Оп. 1. Д. 140. Листы не пронумерованы.

королевства, как считал дипломат, привела бы к крушению системы баланса на Севере и лишила бы Россию влияния на дела в регионе в связи с реализацией проекта унии. В этих депешах очевидно столкновение разных логик государственного суверенитета: если адвокаты скандинавизма надеялись на усиление через расширение, то российский дипломат считал, что скандинавская уния могла стать только результатом дезинтеграции королевства.

В марте, когда члены «революционной партии» заняли места в кабинете, Унгерн-Штернберг потерял надежду на мирное разрешение кризиса⁴¹. Но несмотря на недоверие дипломатов к новому кабинету в Дании, сепаратистские устремления в герцогствах и интервенция войск германских государств во владения датской короны были восприняты Министерством иностранных дел как предлог для помощи датской стороне. В мае Николай I присоединился к шведскому ультиматуму короля Оскара I о помощи Дании⁴². Как сообщал представитель в Швеции, интенсивная панскандинавская агитация началась там, когда соседнему королевству стала угрожать опасность. Согласно его депешам, Оскар принимал решение о мобилизации войск, исходя из публичных требований об участии в конфликте⁴³. Таким образом, Николай знал о популярных импульсах скандинавизма, которые сыграли важную роль в решении шведского короля, но все же принял решение о согласовании позиции России со шведской.

Несмотря на устоявшиеся нарративы о сугубо консервативном курсе внешней политики России в 1848–1849 годах [Saunders 2002], ситуация представляется более сложной. Скорее, дипломатические агенты «северных держав» — это словосочетание вновь стало смыслообразующим в расширительном смысле — искали компромисс между своими принципами и гибкостью контрагентов. Датские просьбы о помощи к Швеции инструментализировали риторику скандинавизма⁴⁴, но обращение к Великим державам выстраивалось через отсылки к коллективным гарантиям безопасности⁴⁵. Действия Оскара I определялись в том числе панскандинавскими династическими планами, но в коммуникации с имперскими агентами он легитимизировал свои решения исключительно через апелляции к Венскому порядку⁴⁶. *Norden* и *le Nord* открывали доступ к различным капиталам, которые можно было pragmatically использовать в кризисных ситуациях.

Российская дипломатия тоже маневрировала между различными агентами. Отчасти выступление северных держав единым фронтом в поддержку Дании было направлено на предотвращение исключительно скандинавской коллaborации, которая, как боялся Унгерн-Штернберг, могла привести к ре-

⁴¹ Унгерн-Штернберг — Нессельроде, от 3/15 марта 1848 года. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 193. Л. 185–186; Унгерн-Штернберг — Нессельроде, от 4/16 марта 1848 года. Там же. Л. 191.

⁴² *Haralds H. Sveriges utrikespolitik 1848, ett bidrag till belysning af danska frågans första skede*. Upsala: Akademiska bokhandeln, 1912. S. 104–113.

⁴³ Криденер — Нессельроде, от 24 марта / 5 апреля 1848 года. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 167. Л. 60–67.

⁴⁴ *Paludan-Müller C. Udenrigsministeren Grev Knuths fremstilling af Danmarks underhælinger 1848 indtil vaabenstilstanden i Malmø* // *Historisk Tidsskrift*. 1875. Vol. 4. No. 5. P. 460–463.

⁴⁵ *Haralds H. Sveriges utrikespolitik 1848...* S. 60–79.

⁴⁶ Криденер — Нессельроде, от 17/29 апреля 1848 года. АВПРИ. Ф. 133. оп. 469. 1848. Д. 167. Л. 105.

лизации панскандинавских династических замыслов⁴⁷. Однако дипломаты признавали важность скандинавского публичного импульса, а некоторые из них высказывали необходимость частичного согласования интересов империи с ним. Так, посланник в Берлине Петр Мейendorf писал Нессельроде о том, что выразил поддержку датскому политику Орле Леману, одному из главных идеологов панскандинавизма. Несмотря на «опасные» доктрины Лемана, о которых дипломат прекрасно знал и был дополнительно предупрежден⁴⁸, Мейендорф отмечал: «...что касается скандинавизма, то это может принести нам пользу. Лучше бы он обернулся против Германии, чем против России»⁴⁹.

Такой же двусмысленностью отличались записки Константина Николаевича, которому было доверено доставить имперскую декларацию шведскому королю в мае 1848 года. С большой помпой встреченный в Стокгольме — впечатление, контрастировавшее с традиционной критикой империи в шведской либеральной прессе, — он писал, что Оскар I был доволен совместными действиями «северных государств». Осмотрев войска, готовые для переброски в Данию, Константин отмечал их готовность прийти на помощь «братьям», добавив, что «скандинавских дух в эту минуту как-то притих, об нем ничего не слышно»⁵⁰. Понятия о датско-шведском братстве — безусловная часть панскандинавской риторики — не подпадали под подозрения в «скандинавском духе», то есть идеи об унии. Подчеркнутое отсутствие этих идей здесь, возможно, легитимизировало имперское вмешательство в потенциальную северную кампанию. С другой стороны, на данном этапе и некоторые идеологи скандинавизма, в первые дни революции предвидевшие войну с Россией, были готовы идти на уступки ради тактического сближения [Glenthøj, Nordhagen Ottosen 2024: 256–257].

Однако недопонимание оставалось частью имперско-скандинавской коммуникации: светлейшего князя А.С. Меншикова, сопровождавшего Константина Николаевича, раздражала необходимость находить общий язык с «гнуснейшими фигурами» во «фраках» — новыми членами датского министерства, вошедшими в кабинет «по народности»⁵¹. Тем не менее дипломатические маневры и последовавшая военно-морская демонстрация повлияли на решение командующего германскими войсками вывести армию с территории Дании. Достигнутое перемирие в Малмё в августе 1848 года, однако, не сняло против-

47 Унгерн-Штернберг — Нессельроде, от 28 апреля / 10 мая 1848 года. АВПРИ. Ф. 133.

Оп. 469. 1848. Д. 44. Л. 410 об.

48 Мейендорф — Нессельроде, от 16/28 января 1848 года // Peter von Meyendorff — Ein russischer Diplomat an den Höfen von Berlin und Wien. Bd. 2 / Hrsg. von O. Hoetzschi. Leipzig: De Gruyter, 1923. S. 24–31; Унгерн-Штернберг — Мейендорф, от 17/29 марта 1848 года. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1848. Д. 44. Л. 241.

49 Мейендорф — Нессельроде, от 28 апреля / 10 мая 1848 года // Peter von Meyendorff... S. 84–85. Леман в своих мемуарах отмечал этот неожиданно теплый прием: Lehmann Orla Lehmanns efterladte skrifter. Vol. 1. København: Gyldendal. S. 138–142.

50 Дневник Константина Николаевича. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 722. Оп. 1. Д. 89. Л. 48–49; Константин Николаевич — Николаю I, от 14/26 мая 1848 года. Там же. Д. 671. Л. 39 об.

51 Дневник А.С. Меншикова. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 19. Оп. 7. Д. 134. Л. 449 – 450 об. Национал-либеральные министры получили в его дневнике эту незавидную характеристику. Хотя такой острослов, как Меншиков, сравнивал и шведскую королеву Дезире с «кухаркой в бриллиантах», припоминая ее буржуазное происхождение, см.: Там же. Л. 449.

воречий, и военные действия вскоре продолжились. Морской дивизии, вновь отправленной в датские воды в 1849 году, уже предписывалось защищать остров Зеландию «силой оружия»: допустить захват столицы, потенциальное разрушение датского государства и панскандинавскую унию Николай не мог⁵².

Несмотря на затянувшийся конфликт, отчет Министерства иностранных дел за 1848 год — один из самых разрушительных в истории человечества, как отмечалось в тексте⁵³ — высоко оценивал уровень совместных действий России и Швеции. Не случайно в документе сотрудничество Николая с Оскаром сравнивалось с эмблематичным сближением между Александром и Карлом Юханом⁵⁴: Север вновь стал рамкой совместного действия. В отчете скандинавизм и династические проекты унии отрицались в качестве импульсов внешней политики союзных держав, целью которых, согласно формулировкам, было исключительно сохранение эквилибриума на Севере⁵⁵. Однако тактические действия российской, шведской и датской дипломатии, как было показано, демонстрировали различные модальности взаимодействия с политическим капиталом новой северности: 1848 год заставил многих политиков перешагивать через свои принципы.

Не стоит и переоценивать потенциал этого сближения. Послевоенная реставрация Дании как композитного государства была консервативным решением, раздражавшим национальных политиков. Николая I, в свою очередь, беспокоил датский конституционализм и скандинавские проекты. Новая северная политическая культура оставалась для многих хаосом «шума», «гнусных фигур» и «лающих собак». Датские и шведские идеологии унии, вскоре вытеснили память о коротком сближении с империей из публичных программ: в постреволюционной период гибкость уступила свое место чистоте догматики. Однако для многих политиков стало ясно, что *le Nord* и *Norden* не всегда были антагонистичны, что открывало пространство для компромиссных решений в условиях новой публичной политики, кризисов и революций.

Однако *le Nord*, Север начала века, частью которого Российская империя была в качестве гаранта договоров и производителя культурных смыслов, уходил в прошлое. Шведская либеральная пресса представляла союз 1812 года как ошибку: братство монархов противоречило новому братству народов. Дискурсивный антагонизм в середине XIX века получил и практические последствия: от желания Оскара I вступить в Крымскую войну до открытой поддержки участников Польского восстания 1863 года в Дании и Швеции [Halicz 1988]. Последующая роль империи как медиатора без вмешательства в ходе Австро-прусско-датской войны 1864 года явно продемонстрировала изменение степени ее вовлеченности в дела региона. Буква договоров и солидарность монархов имели к этому времени куда менее очевидный мобилизирующий потенциал.

С другой стороны, и во внутренних сценариях власти северность все меньше артикулировалась в эпоху Великих реформ, хотя связь со Скандинавией через миф призвания варягов оставалась актуальной [Майорова 2000]. Похоже, что закат эпохи романтизма архаизировал набор привычных литературных

52 РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 153. Л. 1–2, 29 – 30 об.

53 Характерна связка революции с разрушением и войной, см.: Отчет министерства за 1848 год. АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. 1848. Д. 22. Л. 4–5.

54 Там же. Л. 160.

55 Там же. Л. 151 – 152 об., 148.

тропов, а экспансия России на Дальний Восток и в Центральную Азию размывала северный фокус. Несомненно, проект Русского Севера, активно пропагандируемый рядом интеллектуалов в 1860—1870-х годах, стал важным феноменом в рамках публичных дискуссий. Но Русский Север, как показывает М. Агапов, противопоставлялся Северу скандинавскому в политическом и экономическом смысле [Агапов 2021]: проект рождался не из общности, но, напротив, разрыва. Скандинавский *Norden* тоже трансформировался после фиаско проекта унионистов, превращаясь в площадку предпринимательской кооперации [Hemstad 2008]. Несмотря на то что политические границы государств Северной Европы были закреплены еще в рамках постнаполеоновской реставрации, консервативные союзы и низовые сети политической мобилизации, культурные общности и экономические агенты создавали свои калейдоскопы конкурирующих или, напротив, сближающихся северных пространств на протяжении всего XIX века.

Библиография / References

- [Абдуллаев 2023] — Абдуллаев Я.С. Заговор «Парижского Комитета»: конспирология и имперские элиты в России в последние годы царствования Александра I // Вестник Пермского университета. История. 2023. Вып. 60. № 1. С. 134—145.
- (Abdullaev Ja.S. Zagovor "Parizhskogo Komiteta": konspirologiya i imperskie elity v Rossii v poslednie gody tsarstvovaniya Aleksandra I // Vestnik Permskogo universiteta. Istorija. 2023. Iss. 60. No. 1. P. 134—145.)
- [Агапов 2021] — Агапов М.Г. «Северный вопрос» в российском политическом языке 60—70-х годов XIX века // Вестник Пермского университета. История. Вып. 55. № 4. С. 117—128.
- (Agapov M.G. "Severnyy vopros" v rossiyskom politicheskem yazyke 60—70-kh godov XIX veka // Vestnik Permskogo universiteta. Istorija. Iss. 55. No. 4. P. 117—128.)
- [Головнёв 2022] — Головнёв А.В. Северность России. СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 2022.
- (Golovniov A.V. Severnost' Rossii. Saint Petersburg, 2022.)
- [Зорин 2001] — Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла...: литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
- (Zorin A.L. Kormya dvuglavogo orla... literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii v posledneye treti XVIII — pervoy treti XIX veka. Moscow, 2001.)
- [Кара-Мурза 2017] — Кара-Мурза А.А. Россия как «Север». Метаморфозы национальной идентичности в XVIII—XIX вв.: Г.Р. Державин // Философские науки. 2017. № 8. С. 121—134.
- (Kara-Murza A.A. Rossiya kak "Sever". Metamorfozy natsional'noy identichnosti v XVIII—XIX vv.: G.R. Derzhavin // Filosofskie nauki. 2017. No. 8. P. 121—134.)
- [Майофис 2008] — Майофис М.Л. Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815—1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- (Majoris M.L. Vozzvanie k Evrope: literaturnoe obshchestvo "Arzamas" i rossiyskiy modernizatsionnyy proekt 1815—1818 godov. Moscow, 2008.)
- [Майорова 2000] — Майорова О.Е. Бессмертный Рюрик: празднование тысячелетия России в 1862 году // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. С. 137—165.
- (Majorova O.E. Bessmertnyy Ryurik: prazdnovanie tysacheleitiya Rossii v 1862 godu // Novoe literaturnoe obozrenie. 2000. No. 43. P. 137—165.)
- [Мюклебуст и др. 2016] — Нет Севера, а есть Севера?: о многообразии понятия «Север» в Норвегии и России / Ред. К.А. Мюклебуст и др. М.: URSS, 2016.
- (Net Severa, a est' Severá: o mnogoobrazii poenatiya "Sever" v Norvegii i Rossii / Ed. by K.A. Mjuklebust et al. Moscow, 2016.)
- [Парсамов 2020] — Парсамов В. На путях к Священному союзу: идеи войны и мира

- в России начала XIX века. М.: Изд-во ВШЭ, 2020.
- (*Parsamov V.* Na putyakh k Svyashchennomu soyuzu: idei voyni i mira v Rossii nachala XIX veka. Moscow, 2020.)
- [Рогинский 1978] — *Рогинский В.В.* Швеция и Россия: союз 1812 года. Л.: Наука, 1978.
- (*Roginskij V.V.* Shvetsiya i Rossiya: soyuz 1812 goda. Leningrad, 1978.)
- [Рогинский 2012] — *Рогинский В.В.* Борьба за Скандинавию: международные отношения на Севере Европы в эпоху Наполеоновских войн (1805—1815). М.: Весь мир, 2012.
- (*Roginskij V.V.* Bor'ba za Skandinaviyu: mezhdunarodnye otnosheniya na Severe Evropy v epohu Napoleonovskikh voyn (1805—1815). Moscow, 2012.)
- [Barton 2003] — *Barton H.A.* Sweden and Visions of Norway: Politics and Culture, 1814—1905. Carbondale: SIU Press, 2003.
- [Becker-Christensen 1978] — *Becker-Christensen H.* Frederik Barfod og den skandinaviske bevægelse i tiden før 1845 // Scandia: Tidsskrift for historisk forskning. 1978. Vol. 44. No. 2. P. 289—314.
- [Becker-Christensen 1981] — *Becker-Christensen H.* Skandinaviske drømme og politiske realiteter: Den politiske skandinavisme i Danmark 1830—1850. Århus: Arusia, 1981.
- [Berg 2014] — *Berg R.* Denmark, Norway and Sweden in 1814: A geopolitical and contemporary perspective // Scandinavian Journal of History. 2014. Vol. 39. No. 3. P. 265—286.
- [Bjørn 1993] — *Bjørn C.* Fra reaktion til grundlov: 1800—1850. København: Gyldendal, 1993.
- [Bregnsbo, Jensen 2022] — *Bregnsbo M., Jensen K.V.* The Rise and Fall of the Danish Empire. London: Springer Nature, 2022.
- [Brisku 2015] — *Brisku A.* The Holy Alliance as 'An Order of Things Conformable to the Interests of Europe and to the Laws of Religion and Humanity' // Paradoxes of Peace in Nineteenth Century Europe / Ed. by T. Hippler and M. Vec. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 153—169.
- [Edgren 2010] — *Edgren H.* I det konstruerade nationella traumats spår—Svensk historieskrivning om riksprägningen 1809 // Scandia. 2010. Vol. 76. No. 1. P. 9—39.
- [Egorov 2023] — *Egorov E.* The Russian empire and Scandinavianism: Grasping a moving target, 1840—1864 // Nordic Experiences in Pan-nationalisms / Ed. by R. Hemstad, P. Stadius. London: Routledge, 2023. P. 76—95.
- [Gerven 2022] — *Gerven T. van.* Scandinavianism: Overlapping and Competing Identities in the Nordic World, 1770—1919. Leiden: Brill, 2022.
- [Ghervas 2021] — *Ghervas S.* Conquering Peace: From Enlightenment to the European Union. Cambridge: Harvard University Press, 2021.
- [Glenthøj, Nordhagen Ottosen 2024] — *Glenthøj R., Nordhagen Ottosen M.* Scandinavia After Napoleon: The Genesis of Scandinavianism. London: Springer Nature, 2024.
- [Glenthøj 2014] — *Glenthøj R.* 1864 — Sønner af de Slagne. København: Gads Forlag, 2014.
- [Glenthøj 2017] — *Glenthøj R.* Skandinavismen som en politisk nødvendighed: Politisk skandinavisme i et teoretisk og komparativt perspektiv // Skandinavismen: vision og virkning / Ed. by R. Hemstad, Jes F. Møller, D. Thorkildsen. Odense: Syddansk Universitetsforlag, 2017. S. 227—255.
- [Halicz 1988] — *Halicz E.* The 1863 Polish uprising and Scandinavia: The year 1863, the turning-point in Russo-Scandinavian relations. København: Reitzel, 1988.
- [Hemstad 2008] — *Hemstad R.* Fra Indian Summer til nordisk vinter: Skandinavisk samarbeid, skandinavisme og unionsoppløsningen. Oslo: Akademisk Publisering, 2008.
- [Hemstad 2022] — *Hemstad R.* Scandinavian Sympathies and Nordic Unity: The Rhetoric of Scandinavianness in the Nineteenth Century // Contesting Nordicness: From Scandinavianism to the Nordic Brand / Ed. by J. Marjanen, J. Strang, M. Hilson. Berlin; Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2022. P. 35—58.
- [Hemstad 2024] — *Hemstad R.* From Peace on the Scandinavian Peninsula to Nordic Peace // Nordic Peace in Question / Ed. by C.S. Browning, M. Lehti, J. Strang. London: Routledge, 2024. P. 38—54.
- [Kliemann 2005] — *Kliemann H.* Koordinaten des Nordens: Wissenschaftliche Konstruktionen einer europäischen Region 1770—1850. Berlin: Berliner Wissenschafts-Verlag, 2005.
- [Nielsen 1998] — *Nielsen J.E.* Fra Neva til Øresund: Den danske modtagelse af russisk litteratur 1800—1856. København: Museum Tusculanum Press, 1998.
- [Nilsson 2000] — *Nilsson F.* I rörelse: Politisk handling under 1800-talets första hälft. Lund: Nordic Academic Press, 2000.
- [Nordhagen Ottosen 2023] — *Nordhagen Ottosen M.* Windows of opportunity and the political anatomy of Scandinavianism, 1848—1858 // Nordic Experiences in Pan-nationalisms / Ed. by R. Hemstad, P. Stadius. London: Routledge, 2023. P. 37—56.
- [Nygaard 2011] — *Nygaard B.* Anti-Politics: Modern politics and its critics in Denmark, 1830—1848. Scandinavian Journal of History. 2011. Vol. 36. No. 4. P. 419—442.
- [Sandström 2004] — *Sandström Å.* Sverige 1809—1864 // Det nya Norden efter Napoleon / Ed. by M. Engman, Å. Sandström. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 2004. P. 119—150.
- [Saunders 2002] — *Saunders D.* A Pyrrhic Victory: The Russian Empire in 1848 // The Revolutions

- in Europe, 1848—1849 / Ed. by R. Evans. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- [Schulz 2015] — Schulz M. The Construction of a Culture of Peace in Post-Napoleonic Europe: Peace through Equilibrium, Law and New Forms of Communicative Interaction // Journal of Modern European History. 2015. Vol. 13. No. 4. P. 464—474.
- [Šedivý 2021] — Šedivý M. *Si Vis Pacem, Para Bellum: The Italian Response to International Insecurity 1830—1848*. Vienna: Austrian Academy of Sciences, 2021.
- [Sluga 2015] — Sluga G. Madame de Staël and the Transformation of European Politics, 1812—17 // The International History Review. 2015. Vol. 37. No. 1. P. 142—166.
- [Söderlind 2008] — Söderlind S. Introduction: Bernadotte reconsidered // Scripts of Kingship: Essays on Bernadotte and Dynastic Formation in an Age of Revolution / Ed. by M. Alm, B.-I. Johansson. Uppsala: Uppsala universitet, 2008. P. 7—22.
- [Späth 2023] — Späth J. Transnational Revolutionaries in the Europe of the 1820s: Self-Understanding and Self-Staging // Revolutionary Biographies in the 19th and 20th Centuries: Imperial — Inter-national — Decolonial / Ed. by S. Dahlke, N. Katzer, D. Sdvizhkov. München: V&R unipress, 2023. P. 171—192.
- [Stråth 2012] — Stråth B. *Sveriges historia 1830—1920*. Stockholm: Norstedt, 2012.
- [Suominen 2002] — Sverige i fred: Statsmannakonst eller opportunism?: en antologi om 1812 års politik / Ed. by T. Suominen. Stockholm: Atlantis, 2002.
- [Tønneson 2001] — Tønneson K. The Norwegian Constitution of 17 May 1814 — International influences and models // Parliaments, Estates and Representation. 2001. Vol. 21. No. 1. P. 175—186.
- [Vick 2014] — Vick B.E. *The Congress of Vienna: Power and Politics after Napoleon*. Cambridge: Harvard University Press, 2014.
- [Widén 2013] — Widén P. Odin and the Charleses — A Royalist Monument That Never Came to Pass // Konsthistorisk tidskrift / Journal of Art History. 2013. Vol. 82. No. 4. P. 322—338.
- [Wirtschafter 2021] — Wirtschafter E.K. From Victory to Peace: Russian Diplomacy After Napoleon. Ithaca: Cornell University Press, 2021.
- [Wolff 1994] — Wolff L. *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Redwood: Stanford University Press, 1994.
- [Wortman 1995] — Wortman R.S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy, Vol. 1: From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton: Princeton University Press, 1995.
- [Østergaard 2015] — Østergaard U. National-building and Nationalism in the Oldenburg Empire // Nationalizing Empires / Ed. by A. Miller, S. Berger. Budapest: CEU Press, 2015. P. 461—509.